

Для стабильного существования Российской Федерации требуется радикальный отказ от пережитков большевизма в области внутренней политики и пересмотр существующего территориально-государственного устройства

В канун 15-й годовщины Беловежских соглашений, положивших начало распаду СССР, представители томской интеллигенции в очередной раз выступили с инициативой создания так называемой Сибирской республики. Вопрос этот особенно бурно обсуждался как раз после распада Союза, на волне многочисленных сепаратистских настроений. В середине 90-х ту же идею отстаивал некий господин Липицкий, положив ее в основу своей предвыборной программы. Тогда почти никто не вдохновился, хотя разговоры о Сибирской республике периодически возобновлялись. Теперь тема поднята вновь.

Борьба за суверенитеты — удел не только национальных меньшинств. Так, примерно три года назад в Кургане собралась инициативная группа национал-патриотов, провозгласившая идею создания Русской республики. Идея эта тоже не нова. В Москве, например, ее давно поддерживают активисты радикальных националистических движений. Мало того, ныне впавший в немилость депутат Госдумы Дмитрий Рогозин не далее как минувшей осенью заявил на пресс-конференции в Новосибирске, что русским пора сосредоточиться на создании национального государства. Понятно, что тренд, обозначенный сторонниками Русской (а равно и Сибирской) республики, явно не вписывается в официальную парадигму «многонациональной державы», разделяемую значительной частью нашего патриотического истеблишмента. И тем не менее о серьезности намерений опальных русских националистов свидетельствует хотя бы тот факт, что с ними заочно полемизирует главный кремлевский идеолог, заместитель руководителя Администрации Президента Владислав Сурков.

Как нам относиться к новым «республиканским» инициативам? Насколько серьезны эти новации? Имеем ли мы дело с экстравагантными выходками отдельных общественных деятелей или речь все же идет о зарождении новой социальной тенденции, способной изменить политическую конфигурацию в стране или вызвать очередной распад государственности? Постараемся разобраться.

Политический сюрреализм наших дней

Сразу обратимся к скептикам. Русская или Сибирская республика как социально-политический проект ничуть не фантастичнее того, что появилось на постсоветском пространстве после крушения Союза. Кто из нас двадцать лет назад мог вообразить такое количество экзотических государственных образований на месте некогда единого государства? Когда в 1990 году Александр Солженицын предложил отделить от России «азиатское подбрюшье», ярые сторонники сохранения СССР расценили это как вздорную фантазию выжившего из ума эмигранта. Не так ли в наши дни охранители «многонациональной державы» воспринимают призывы к созданию Сибирской республики или Русского национального государства? Но через полтора года фантазия Солженицына стала реальностью. Будем говорить прямо: политическая конфигурация современной

Российской Федерации — явление настолько двусмысленное и алогичное, что никакая новоявленная республика не будет здесь казаться недоразумением. Сегодня уже известно, что наделение бывших национальных автономий РСФСР республиканским статусом явилось результатом кулуарных договоренностей тогдашних политических лидеров, искавших в условиях распадающегося Союза приемлемый для себя компромисс. Иными словами, политическую карту современной России определили текущие прозаические интересы отдельных политиков, вершивших судьбы СССР. Более шаткого основания для государственности вряд ли придумаешь. Политический статус национальных республик остается маловразумительным, особенно в условиях укрепления властной вертикали. Еще больше неясностей возникает в отношении всех остальных субъектов федерации, существующих на правах обычных территориальных единиц. В силу своей культурно-исторической принадлежности они создают иллюзию имперской метрополии, однако ни юридически, ни по факту таковой не являются. Неудивительно, что в сложившихся условиях поднимается вопрос об их суверенитете.

Можно как угодно относиться к подобным «самостийным» проектам, но нельзя не признать, что их появление — вполне закономерная ответная реакция на вопиющее нарушение принципов федерализма. С существующей двусмысленностью нашего территориально-государственного устройства рано или поздно придется покончить. Если Россия и дальше будет оставаться федерацией, то нам необходимо установить реальное равноправие субъектов. Либо, отбросив всякую либеральную демагогию, внести изменения в Конституцию.

Несмотря на всю прозрачность сложившегося положения вещей, вполне законные намерения сторонников новых республик двигаться к подлинному федерализму встречают яростный отпор — как со стороны патриотической общественности, так и со стороны представителей властных структур. С патриотами здесь все ясно: многие из них, насколько известно, федеративное устройство не признают в принципе, а Россию ассоциируют исключительно с Империей. Что касается позиции власти, то здесь подлинные мотивы выражены не столь открыто. Всякая державная риторика, демонстрация заботы о целостности государства вполне могут скрывать прозаические корпоративные интересы, не сулящие государственности (как в случае с горбачевским Политбюро) ничего хорошего. К сожалению, советская эпоха с развалом СССР еще не закончилась.

Тяжкое бремя большевизма

Истоки нынешних проблем, без сомнения, уходят в советское прошлое. Сегодня нередко можно услышать (например, из уст известного литератора-патриота Александра Проханова), будто СССР представлял собой восстановленную Российскую империю. Но вернее было бы сказать, что большевики частично восстановили форму, наполнив ее совершенно другим содержанием. В их политическом проекте русская государственность отсутствовала по сугубо идеологическим соображениям. Не стоит забывать, что большевики объявили себя

освободителями народов России от царского деспотизма. Поскольку пресловутый царский деспотизм увязывался с русской властью, то на русский народ автоматически возлагалась ответственность за чинимое в течение многих лет «имперское иго». Поэтому в целях «искупления вины» русские сознательно ставились в менее выгодное положение, чем остальные народы СССР. Об этом, например, в 1927 году открытым текстом заявлял Николай Бухарин. Позднее, особенно после войны, власть уже так не откровенничала, но характер национальной политики ничуть не менялся. Национальные республики регулярно получали ощутимые финансовые вливания из союзного бюджета, пополняемого в основном за счет эксплуатации российских территорий (тогдашней РСФСР). В застойные годы кормление национальных окраин диктовалось уже навязчивым страхом перед угрозой сепаратизма. Опять же за счет русских. В конце концов такое несправедливое перераспределение доходов стало вызывать возмущение определенной части русской интеллигенции. В период горбачевской перестройки начала формироваться русская национальная оппозиция. В некоторых литературных журналах появились публикации о злодеяниях большевиков в период военного коммунизма и коллективизации. Стала распространяться антикоммунистическая публицистика и проза Солженицына, где заострялось внимание на преступлениях против русского народа. Даже с партийных трибун слышались голоса против дотирования национальных республик за счет РСФСР. Получили известность и маргинальные неформальные организации вроде общества «Память».

Но с 1990 года ситуация начала радикально меняться. Резко (и совершенно безбоязненно) активизировалось либерально-правозащитное движение, а русская национальная оппозиция опрометчиво сомкнулась с прокоммунистическими силами, перейдя на защиту советской государственности от «либеральных космополитов» (именно тогда взошла звезда Проханова и его нынешнего единомышленника — философствующего политолога Сергея Кургиняна). Не без влияния того же Проханова и его сподвижников русский патриотизм скрестили со сталинизмом. В итоге оппозиция стремительно переродилась в реакцию. Либералы умело воспользовались этим, на всю катушку заведя правозащитную риторику насчет преступлений Империи против малых народов. Стоит ли говорить, что к Империи отнесли не только царскую Россию, но и Советский Союз? Последствия такой игры были вполне предсказуемы. Здесь-то, возможно, мы и подходим к главному.

Дурная наследственность российской демократии

Современная Российская Федерация считается преемницей Советского Союза. Эта родовая черта отчетливо просматривается не только в неумеренной претензии наших правителей на глобальное лидерство, но и в особенностях национальной политики. Напомним, что сепаратистские движения в национальных республиках были самым серьезным испытанием советской власти на прочность. Именно национальный сепаратизм поставил точку на существовании СССР. Однако не стоит забывать, что он всячески подогревался российской либеральной пропагандой. Не только самиздатовские газетки Демсоюза писали об угнетении русскими многочисленных малых народов. Но даже такие уважаемые издания, как новый в ту пору исторический журнал «Родина» (не говоря об откровенно западных изданиях вроде «Огонька»), постоянно обращались к теме кровавых имперских преступлений. Вся вина опять возлагалась на русский народ. Популярны активисты правозащитного движения откровенно призывали русских «искупить вину» (прямо в духе Бухарина) перед нацменьшинствами. Если бы не тупое следование русских национальных лидеров коммунистическим поводам, ситуация могла бы сложиться иначе. Тем не менее факт остается фактом: новая демократическая Россия зарождалась на волне не только антикоммунизма, но и трудно скрываемой (а подчас откровенной) русофобии. Это и определило характер ее национальной политики, ничем, по сути, не отличающейся от большевистской. Да и само территориально-государственное устройство нынешней России — два десятка национальных республик безо всякой русской метрополии — есть уменьшенная модель СССР.

Учитывая обстоятельство, что Российскую Федерацию возглавляют политики, пришедшие во власть в ходе бурных либеральных преобразований с их русофобской составляющей, трудно рассчитывать на их симпатии ко всяким попыткам поставить русскую нацию в равные условия со всеми. Наоборот, как и в советские времена, вновь созданные национальные республики получают значительные преференции на фоне полной деградации русских областей. Так, по словам депутата Госдумы Светланы Горячевой, одна только Чеченская Республика получает дотаций в шесть раз больше, чем весь Дальний Восток. Практика дотирования национальных республик полностью воспроизводит советский сценарий отношений между Центром и окраинами.

Стоит ли говорить, что такое трепетное отношение к национальным меньшинствам, демонстрируемое российской властью, во многом продиктовано чисто идеологическими причинами. Той же идеологией оправдывается негласная дискриминация русских. Именно поэтому всякие разговоры о русском национальном государстве отменяются с порога. То же относится и к проекту Сибирской республики. Как ни крути, но сибиряками у нас называют себя не якуты, хакасы и тувинцы, а именно потомки русских переселенцев. Власть настаивает и отталкивает даже не предполагаемая новая государственность, а любой намек на равноправие русской нации со всеми остальными. Тем не менее, несмотря на отчетливое наличие идеологических мотиваций, в них нельзя усмотреть какой-либо отвлеченной моральной одержимости или биологической

руссофобии. В наше время, похоже, все обстоит гораздо проще и прозаичнее.

Кому на Руси жить нехорошо?

Если выделить социально-политический аспект проблемы, то его можно сформулировать следующим образом: российская власть до сих пор представляет собой не национальную, а корпоративную элиту, чьи интересы очень часто не совпадают с интересами большей части общества. А таким большинством как раз и является русский народ (почти 80% населения). Этим, кстати, можно объяснить и то обстоятельство, почему соглашения по упразднению СССР были подписаны на таких невыгодных для России условиях.

Представителям российской стороны даже в голову не приходило ставить вопрос о наших национальных интересах. Это вполне по-большевистски. Само положение власти таково, что она избавлена от необходимости представлять интересы какой-либо конкретной нации, будучи формально и по существу наднациональной корпорацией. Но самым вопиющим фактом является то, что она ни в коей мере не представляет политическую волю русского народа, у которого, чисто юридически, собственной национальной власти нет вообще. Иначе говоря, подавляющее большинство граждан

Российской Федерации (то есть русские) практически лишены суверенитета.

В таких условиях рост русского национального самосознания будет равносителен росту социального протеста со стороны большинства населения страны. Поэтому на данном этапе намерение создать некую русскую государственность является не политической программой, а своеобразным посланием, адресованным власти от имени национального большинства. Смысл послания прост и очевиден: мы не намерены больше жить на таких условиях, меняйте характер вашей политики. Аналогично и в случае с Сибирской республикой: мы не желаем больше оставаться колонией Москвы, меняйте правила.

Власть улавливает эти сигналы и активно принимает меры противодействия, поскольку ломать характер внутренней политики в ее интересы явно не входит. Отсюда, с одной стороны, замалчивание в СМИ идей русских «самостийщиков». С другой, используется испытанный и наиболее эффективный способ — ориентация национально-патриотического движения на интернациональные цели нового имперского (точнее, псевдоимперского) строительства. Недаром в центр внимания столичной элиты неожиданно попал Александр Проханов со своим проектом пятой империи. Как и за год до августовского путча, русский патриотизм причудливо состыковали с Третьим Интернационалом (величайшим, по словам Владислава Суркова, русским политическим проектом). Патриотический истеблишмент демонстративно делает ставку на империализм без русского национализма. Теперь это даже стало модно.

Впрочем, в одну реку нельзя войти дважды. Рыночная эпоха неизбежно привносит в общественное сознание элементы прагматизма и рационализма. Имперская романтика с каждым годом вдохновляет наших граждан все меньше и меньше. Рано или поздно прозаические проекты станут обладать большей привлекательностью, чем умопомрачительные державные фантазии. Как недавно откровенно сказал лидер Движения против нелегальной иммиграции (ДПНИ) Александр Белов (теперь — соратник Дмитрия Рогозина): «Евреи — наглядный пример для подражания, русским надо у них учиться». Для перестроечного поколения русофилов такое признание равносительно кощунству. Не за горами, по-видимому, и принципиальный отказ нового поколения националистов от великодержавной мечты как обязательного и священного для русских людей идеала. Таким образом, проект русского национального государства в ближайшее

время может оказаться очень даже востребованным. А параллельно с ним — и проект Сибирской республики. И это тем более вероятно, если существующая власть не извлечет уроков из трагического развала СССР.

[«Эксперт Сибирь» №47-48\(143\) / 18 декабря 2006](#)

Олег Носков